

Людмила Павловна ГАРБУЛЬ
Вильнюсский университет

Из истории лексем *свято, склад, склонить, склониться* в русском языке

Памяти профессора В.Н. Чекмонаса

Объектом нашего внимания в данной публикации будет история четырех лексем, обнаруженных в документах Посольского приказа XVII в. в следующих значениях: *свято* ‘день, посвященный культовым торжествам, свободный от работы; праздничный день, праздник’, *складь* ‘специальное место, помещение для хранения чего-л., склад’, *склонити* ‘расположить к кому-, чему-л., привлечь на чью-л. сторону’ и ‘убедить, уговорить сделать что-л., согласиться на что-л.’ и *склонитися* ‘согласиться на что-л.’ Проблема заключается в том, что в исследованиях по польско-русским языковым контактам они квалифицируются как полонизмы без приведения какой-либо аргументации, подтверждающей это, а лишь со ссылкой на фиксацию их в памятниках письменности XVI–XVIII вв. или лексикографических источниках XVIII в. [Witkowski 1999, 170, 173]. Однако вполне очевидно, что такого рода информация сама по себе еще не указывает на происхождение слова или отдельного его значения и требует верификации, поэтому мы ставим перед собой задачу установить, действительно ли приведенные выше лексемы в упомянутых значениях являются полонизмами в русском языке.

СВЯТО (1)* *суц. с.* День, посвященный культовым торжествам, свободный от работы; праздничный день, праздник: Мы... взяли перемирья... на 20 летъ... ажъ до такового жъ *свята* Успения пречистое

* Здесь и далее цифрой в скобках указано количество употреблений анализируемой лексемы в наших материалах.

Богородицы, которое в... 1622-мъ мѣсяца августа 15-го дня будет [Сб. РИО 137, 59, 1600–1601 гг.].

Это существительное возникло в результате морфолого-синтаксического способа словообразования на базе имеющего общеславянское распространение прилагательного в форме ср. р., восходящего к праслав. **svęťъ*, -а, -о ← и.-е. основа **k'ъen-jo-* (корень **k'ъen-*) 'праздновать', 'святить', 'святой' [Вгӱсќнер 1974, 537; ИЭСРЯ II, 149; Љоѕ II, 11; Преображенский II, 265–266; Фасмер III, 585].

В древнерусской письменности эта лексема в значении 'то, что свято; святое' известна с XII–XIII вв. [СлРЯ XI–XVII 23, 210]. В значении 'праздник' в историческом словаре русского языка она представлена единственной иллюстрацией из *Истории о великом князе Московском А. Курбского** в списке XVII в. [там же]. Примечательно, что слово *свято* встречается в пределах одного контекста с лексемой *праздникъ*: "Въ то время случилось ему во оныи Сергиевъ монастырь приѣхати, на *свято* великого пянтикостия, яко тамъ есть обычаи Московскимъ княземъ на каждое лѣто того *праздника* въ томъ монастырѣ торжествовати" [РИБ 31, 326, 1614 г.]. Такое представление *свято* может свидетельствовать о том, что во времена А. Курбского интересующее нас значение существительного было малоизвестно или почти неизвестно в русском языке.

Учитывая изложенное выше, а также то, что мы обнаружили *свято* в исследуемом значении в дипломатическом документе, фиксирующем контакты Московского государства с Польшей и ВКЛ в начале XVII в., можно предположить неисконность этого значения для русского языка. В пользу этого может свидетельствовать и тот факт, что в русской лексикографии *свято* в значении 'вообще праздник' отмечается лишь у В. Даля в сопровождении помет *юж., зап., пск.* [Даль IV, 161].

Вероятнее всего, источником интересующего нас значения является польский язык. На это указывает и польский славист В. Витковский [1999, 170], не приводя, однако, никаких доказательств, а лишь отмечая, что лексема в этом значении встречается в *Вестях-Курантах* 1648 г. Если обратиться к польскому языку, то здесь *święto* 'dzień wyznaczony na obrzędy religijne, wolny od pracy, uroczystość związana z kultem' известно с конца XIV–начала XV вв. и продолжало употреб-

* О полонизмах в языке произведений А. Курбского см. [Тамань 1961, 203; Калугин 1994, 354].

ляться в этом значении в XVI в. [SłStp IX(1), 69; Linde V, 486]. В словаре польского языка второй половины XVI–XVII вв. это существительное уже приводится в более широком значении ‘dzień poświęcony uroczystościom kultowym albo zwyczajowym; dzień świąteczny’, в котором оно продолжало бытовать и в XVIII–XIX вв. [Sł Paska II, 465; Karłowicz VI, 786]. В значении ‘dzień, zwykle wolny od pracy, obchodzony uroczystością ze względów kultowych lub państwowych’ мы находим его и в словаре современного польского языка [SłJP VIII, 1358].

С конца XIV–первой половины XV вв. *свято* ‘религійне свято’ засвидетельствовано в староукраинской письменности, причем первоначально в текстах, насыщенных полонизмами, или документах, отражающих контакты с Польшей [ССМ XIV–XV стст. II, 326]. В *простой мове* XVI–XVII вв. объем значений этой лексемы расширяется так же, как и в польском языке соответствующего периода [СМС 2, 201]. В значении ‘праздник’ *свято* представлено в словаре, отражающем белорусский язык XVIII–XIX вв. [Носович 1870, 576]. В значениях ‘урачысты дзень у гонар або ў памяць якой-н. выдатнай падзеі, даты; дзень або дні, што адзначаюцца царквою ў гонар якой-н. падзеі ці святога’ и ‘урачыстасць, наладжаная з якога-н. поваду’ существительное употребляется в современном белорусском языке [ТСБМ 5(1), 98]. В тех же значениях оно фиксируется и в словаре современного украинского языка [СУМ IX, 104].

Подведем итог обзору истории лексемы *свято* в восточнославянских и польском языках: судя по хронологическим данным и характеру памятников, в которых она в анализируемом значении первоначально была засвидетельствована в староукраинском и русском языках, можно с достаточной степенью уверенности говорить, что в русском письменном языке второй половины XVI–начала XVII вв. мы имеем дело с семантическим полонизмом, а в *простой мове*, возможно, и с лексическим заимствованием** (с последующей закономерной фонологической субституцией: $\epsilon \rightarrow 'a$), так как в исторических словарях, регистрирующих украинский и белорусский языки XV–XVI вв., она фиксируется в единственном значении [ССМ XIV–XV

* Определение этого понятия см. [Мозер 2002, 221].

** Кстати, несомненным лексическим заимствованием в старобелорусском языке является *свенто*, употреблявшееся в XVI в. в том же значении, что и *свято* [Булыка 1972, 294], поэтому, если последнее будет обнаружено в староукраинском или старобелорусском языках и в других значениях, имеющих более раннюю хронологию, то тогда его следует квалифицировать как семантическое заимствование.

2, 326; СМС 2, 201]. *Простая мова*, вероятнее всего, и способствовала заимствованию *свято* в интересующем нас значении русским письменным языком.

СКЛАДЪ (1) *суц. м.* Специальное место, помещение для хранения чего-л., склад: *Складъ товарамъ велѣли бытъ въ Кіеву жь...* [СГГД 3, 529(176), 1654 г.].

Это существительное является безаффиксным образованием от префиксального глагола, восходящего к имеющему общеславянское распространение праслав. **klasti* (← **kladiti*), 1 л. ед. ч. **kladq* ‘класть; раскладывать, располагать’ ← и.-е. корень с расширением **klā-dh-*: **klā-t-* ‘стлать; покрывать, накрывать’, ‘складывать; накладывать, нагружать’ [Berneker I, 507; Brückner 1974, 236; ИЭССРЯ I, 399; Преображенский I, 311–312; Sławski II, 253–254; Фасмер II, 244; ЭССЯ 9, 187–189].

Лексема *складъ* в значении ‘сочетание звуков в слове; слог’ известна в древнерусской письменности с XII–XIII вв. [Срезневский III, 716; СлРЯ XI–XVII 24, 201]. В интересующем нас значении в историческом словаре она представлена единственной иллюстрацией из *Козмографии* в списке 1670 г. [СлРЯ XI–XVII 24, 202]. Нами *складъ* ‘специальное место, помещение для хранения чего-л., склад’ зарегистрировано в дипломатическом документе по сношениям Московского государства с Польшей и ВКЛ в середине XVII в. Однако еще более ранний случай употребления существительного в этом значении, относящийся к первой половине XVII в., отмечается у В. Витковского [1999, 173] со ссылкой на А.И. Соболевского [1903, 71–72], который обнаружил его в переводном с латыни *Сборнике путешествій въ Индію* и сопроводил комментарием: “Почерки въ обоихъ спискахъ южно-русскіе, повидимому, принадлежащіе переводчикамъ. Языкъ — то церковно-славянскій съ южно-руссизмами, то бѣлорусскій съ церковнославянизмами”.

Столь позднее появление анализируемого значения у исследуемого существительного, учитывая то, что глагол *съкласти*, *съкладу* ‘сложить, положить, поставить’, которым оно могло быть мотивировано, встречается в древнерусском языке уже с первой половины XII в. [Срезневский III, 717], а также характер памятников, на которые приходятся наиболее ранние фиксации *складъ* ‘специальное место, помещение для хранения чего-л., склад’, наводит на мысль о возможной неисконности этого значения для русского языка. Так же считает и В. Витковский [1999, 173], однако не приводит никаких аргументов, подтверждающих это мнение, кроме ссылки на А.И. Соболевского.

Для того, чтобы обосновать свое предположение и утверждение В. Витковского, обратимся к польскому языку. В старопольской письменности *skład* 'miejsce składowania czegoś, przechowania, magazyn' засвидетельствовано с начала XV в. и продолжало употребляться в этом значении на протяжении XVI–XX вв. вплоть до настоящего времени [SłStp VIII, 3, 234; Linde V, 252; Karłowicz VII, 147; SJP VIII, 285].

По данным исторического словаря украинского языка, *складь* '(місце зберігання товару) склад' регистрируется с начала XV в., причем в текстах, язык которых в той или иной степени насыщен полонизмами [ССМ XIV–XV 2, 348]. Далее находим *складь* 'мѣсто, кладовая для помѣщенія разныхъ вещей' в лексикографическом источнике, отражающем белорусский язык XVIII–XIX вв. [Носович 1870, 583]. Это слово в значении 'складь, складочное мѣсто' бытовало и в украинском языке XIX в. [Грінченко II, 646]. В интересующем нас значении оно фиксируется и в словарях современного белорусского и украинского языков [ТСБМ 5(1), 169; СУМ IX, 272]. Что касается русского, то начиная с XVII в. эта лексема в исследуемом значении прочно вошла в лексический состав языка и активно употребляется до настоящего времени [Даль IV, 197; ССРЛЯ 13, 941].

Сопоставление хронологических данных и учет характера памятников, в которых *складь* в анализируемом значении впервые встретилось в восточнославянских языках, дает, по нашему мнению, достаточные основания, чтобы считать это слово семантическим полонизмом в этих языках, при этом в русский письменный язык XVII в. он, вероятнее всего, попал благодаря посредничеству *простой мовы*.

СКЛОНИТИ (2) *глагол. сов.* 1. Расположить к кому-, чему-л., привлечь на чью-л. сторону (1): Самъ Онъ царей и царства ихъ десницею Своею Божию бережет, сохраняет... і васъ всѣхъ... ко государю вашему... Владіславу Жигимонтовичю... *склонил* был, что есте единомышленно и единомушно в. г. ц. і в. к. імѣти похотѣли, і в холопи ему... во веки подалися [Сб. РИО 142, 397, 1613 г.]. 2. Убедить, уговорить, сделать что-л., согласиться на что-л. (1): Цѣловали есте межъ собя крестъ, что впередъ изъ Московскихъ родовъ на государство не избирати, а vybrati бы изъ иныхъ государствъ от Царьскаго корени, и *склонили* есте все посполу, и vybrali на Московское государство насъ Великаго Государя Королевича Владислава... [АИ 3, 67(72), 1616 г.].

В словообразовательном плане эта лексема представляет собой префиксальный дериват, восходящий к имеющему общеславянское распространение праслав. **kloniti* 'наклонять, склонять' (родственному и этимологически тождественному **sloniti*) ← и.-е. корень **k'le-*: **k'lo-* с суф. -n-

‘склонять, наклонять’, ‘прислонять’ [Brückner 1974; Sławski II, 265; ЭССЯ 10, 67–68].

По данным исторического словаря русского языка, *склонити* в значении ‘согнуть’ впервые фиксируется в *Хронике Георгия Амартола* в списке XV в. [СлРЯ XI–XVII 24, 209]. В первом из интересующих нас значений этот глагол известен с конца 70-х г. XVII в., а во втором — с начала XVIII в. [там же]. Как видим, указанные нами случаи употребления *склонити*, обнаруженные в дипломатической корреспонденции по сношениям Московского государства с Польшей и ВКЛ, позволяют существенно уточнить время появления этого слова в обоих значениях в русском письменном языке. В этих значениях оно достаточно активно употреблялось в русском языке второй половины XVII–начала XVIII в. и известно до настоящего времени [САР VI, 172; Даль IV, 199; ССРЛЯ 13, 969].

Характер памятников, на которые приходится наиболее ранние фиксации *склонити* в исследуемых нами значениях, наводит на мысль о их возможной неисконности для русского языка. На это указывает и В. Витковский [1999, 173], отмечающий, что *skłonić* ‘skłonić, przekoпаć’ является полонизмом, при этом он ссылается лишь на лексикографический источник 1731 г., где лексема не сопровождается какими-либо пометами, свидетельствующими о происхождении ее самой или отдельных ее значений.

Поскольку и наше предположение, и мнение В. Витковского нуждаются в аргументации, обратимся к истории глагола в польском языке. Здесь *skłonić* ‘namówić do czegoś, pozyskać’ встречается в памятниках письменности со второй половины XV в. и, вероятнее всего, представляет собой кальку со средневековолатинского *inclino*, *-āre*, *-āvi* ‘*transl.* nakłonić, zmusić, przekonać, zachęcić; adducere, impellere, hortari’, распространенного в старопольском языке конца XIV–XV вв. [SiStp VIII(3), 240; SłŚr V(3), 330]. В этом значении глагол бытовал и в XVI–XIX вв. [Linde V, 256; Sł Paska II, 363, 375; Karłowicz VI, 150]. И в современном польском языке *skłonić* активно употребляется в значении ‘wpłynąć na czyją decyzję, wybór; nakłonić, namówić; zmusić’ [SJP VIII, 295].

* Кстати, кальками с латинского в польском языке второй половины XV в. являются также *skłonny* ‘chęty do czegoś, przychylny’ (*part. perf. pass.* от *inclino* — *inclinātus*) и *skłonność* ‘gotowość, zdecydowanie na coś’ (*inclinatio*), которые отсюда в XVI в. проникают в русский письменный язык [SiStp VIII(3), 240; Kochman 1975, 126; Basaj 1979, 11].

К сожалению, мы пока не располагаем данными об наличии этого слова в анализируемых значениях в *простой мове*. В прямом значении 'нагінаць, нахіляць' *склоняти* и 'нагнуць, нахіліць' *склонити* засвидетельствованы в ней в памятниках начала XVI в. [СМС 2, 212]. В словаре белорусского языка XVIII–XIX вв., *склоняць, склониць* представлено следующим образом: "Наклонять, нагибать. Голову склоняць, склониць подь Евангеліе" [Носович 1870, 583]. Примечательно, что здесь также находим *склоняцьца, склоницьца* в значении 'соглашаться на убѣждения'. В современном белорусском языке форма сов. вида анализируемого глагола не употребляется вообще, а у *скланяць* интересующие нас значения отсутствуют. В этих значениях, которые квалифицируются как переносные, выступает глагол *схіліць** [ТСБМ 5(1), 172]. Что касается украинского языка, то в XIX в. лексема *склонити* отмечается только в прямом значении 'наклонить, нагнуть' [Гринченко II, 647]. В словарях современного украинского языка она не регистрируется вообще, хотя фиксируется прилагательное *склінний* 'ласкавий', сопровождаемое пометой *діал.* [СУМ IX, 283]. На наш взгляд, учитывая характер памятников, в которых мы обнаружили *склонити* в исследуемых значениях, а также косвенные свидетельства белорусского и украинского языков, нельзя исключать возможности существования этих значений у исследуемого глагола и в *простой мове* в XVI–XVII вв. В настоящее время мы располагаем лишь данными, которые достаточно надежно свидетельствуют о том, что, по крайней мере, в русском письменном языке XVII в. *склонити* в изучаемых значениях является семантическим полонизмом.

СКЛОНИТСЯ (2) глаг. сов. Согласиться на что-л.: А его королевская милость, государь ваш великіи крестьянский милостивый, не спешачи до иных способов *склонитись*, хотѣл то все успокоить договором посольскимъ... [Сб. РИО 137, 639, 1607–1608 гг.]. И мы... для брата нашего Якуба короля любви, на доброе дѣло *склонились*... быти покою и тишины похотѣли [Лыжин 1857, 241(38) 1614 г.].

В словообразовательно-морфологическом аспекте *склонитися* является постфиксальным производным от *склонити* (о его происхождении см. выше, с. 171 настоящего издания).

В русской письменности *склонитися* в значениях 'нагнуться, наклониться' и 'отклониться, сбиться' известно с конца XIV в. [Срезневский III, 717; СлРЯ XI–XVII 24, 210]. В интересующем нас значении

* Отметим, что в белорусском языке XIX в. он в этих значениях не регистрируется [Носович 1870, 626].

этот глагол, по данным исторического словаря русского языка, отмечается с середины 70-х гг. XVII в., причем все представленные в этом источнике иллюстрации приходится на дипломатические документы, язык которых в той или иной степени насыщен полонизмами. Обнаруженные нами случаи употребления *склонитися* 'согласиться на что-л.' в дипломатической корреспонденции начала XVII в. по сношениям Московии с Польшей и ВКЛ, а также с Англией позволяют существенно уточнить время его появления в русском письменном языке. Широкое распространение в этом значении глагол получает со второй половины XVII в., он активно употребляется в русском языке и в XVIII–XIX вв. [САР VI, 172; Даль IV, 199]. В словаре современного русского языка *склониться* в значении 'согласиться на что-л., поддавшись уговорам' снабжено пометой *разг.* [ССРЛЯ 13, 972–973].

Учитывая обстоятельства появления исследуемого значения у *склонитися*: характер памятников, а также более позднее появление *склонити* в мотивирующем значении 'убедить, уговорить сделать что-л., согласиться на что-л.', можно предположить, что оно не исконно для русского языка, о чем пишет и В. Витковский [1999, 173], относя его к полонизмам. Однако он не приводит никаких обоснований своей точки зрения, ссылаясь лишь на наличие глагола в интересующем нас значении в *Письмах и бумагах императора Петра Великого* (1709 г.) и лексикографических источниках первой половины XVIII в.

В связи с тем, что и высказанное нами предположение, и утверждение В. Витковского нуждаются в аргументации, обратимся к истории лексемы в анализируемом значении прежде всего в польском языке. Здесь *skłonić się ku czemu, do czego* 'zgodzić ś., przystać, zdecydować ś. па со', по имеющейся у нас на данный момент информации, было известно, по меньшей мере, с начала XVII в.* и активно употреблялось в этом значении на протяжении XVII–XIX вв. [Karłowicz VI, 150]. И в словаре современного польского языка регистрируется

* Хотя мы предполагаем, что, как и в случае со *skłonić*, *skłonić się* может быть калькой средневековолатинского *inclino*, *-āre*, *-āvi* 'refl. skłonić się ku czemuś, przychylić się do czegoś, sprzyjać komuś, czemuś; propensum esse, indulgere, favere, studere', распространенного в польском языке конца XV–первой половины XVI вв. [SILŚr V(3), 330]. Нашу точку зрения можно, видимо, обосновать также тем, что уже в старопольском языке второй половины XV в. встречается *skłaniać się* 'czynić się gotowym, chętnym do jakiegoś działania' [SISip VIII(3), 238], тогда как при развитии значения в самом польском языке следовало бы ожидать появления сначала *skłonić się* в этом значении. Если эта версия происхождения *skłonić się* в указанном значении верна, то оно в этом значении могло регистрироваться в польском языке уже в XVI в.

skłonić się ‘zdecydować się, zgodzić się na co, przychylić się do czego, przystać na co’ [SłJP VIII, 296].

К сожалению, на данный момент мы не располагаем информацией о наличии *склонитися* в изучаемом значении в *простой мове*^{*}, хотя, судя по косвенным сведениям (характер первого памятника, в котором оно было отмечено нами, а также наличие *склоняцьца, склоніцьца* ‘соглашаться на убеждения’ в белорусском языке XVIII–XIX вв. [Носович 1870, 583]) вполне допустимо, что глагол в этом значении мог бы бытовать и в *простой мове* XVII в. В украинском языке XIX в. *склонятися, склонитися* регистрируется только в значениях ‘склоняться, склониться; наклоняться, наклониться’, ‘кланяться, поклониться’ [Грінченко II, 647]. Далее XIX в. судьба этой лексемы ни для белорусского в форме сов. вида (форма несов. вида не имеет интересующего нас значения), ни для украинского (в лексикографических источниках она не представлена вообще) языков не прослеживается.

Итак, сопоставление приведенной выше информации позволяет, по нашему мнению, с достаточной степенью уверенности говорить о том, что в русском письменном языке первой половины XVII в. *склонитися* является семантическим полонизмом.

Резюмируем результаты наших наблюдений над лексемами *свято* ‘день, посвященный культовым торжествам, свободный от работы; праздничный день, праздник’, *складь* ‘специальное место, помещение для хранения чего-л., склад’, *склонити* ‘расположить к кому-, чему-л.; привлечь на чью-л. сторону’ и ‘убедить, уговорить сделать что-л.’ и *склонитися* ‘согласиться на что-л.’:

1. Сопоставительный анализ их истории в польском и русском языках показал, что все четыре лексемы в указанных значениях в русском письменном языке второй половины XVI–XVII вв. действительно являются полонизмами — семантическими кальками.

2. В случае со *свято, складь* в исследуемых значениях заимствование, вероятнее всего, осуществлялось в результате сложных языковых контактов, так как в роли посредника, очевидно, выступала *простая мова*, в которой *свято* и *складь* также, по-видимому, полонизмы (*свято*, возможно, лексический, а *складь* — семантический).

3. Для *склонити* и *склонитися* в анализируемых значениях установлено значительно более раннее время их появления в русской письменности, что представляется весьма существенным, поскольку

* Пока достоверно известно, что здесь *склонитися* с начала XVI в. отмечалось в прямом значении ‘нагнуцца, нахіліцца’ [СМС 2, 212].

хронологические данные играют важную (если не первостепенную) роль в установлении факта заимствования при контактировании родственных языков.

4. Что касается дальнейшей судьбы этих слов, то *склад* и *склонить* в интересующих нас значениях продолжают активно употребляться в современном русском языке, тогда как *склониться* ‘согласиться на что-л., поддавшись уговорам’ является уже принадлежностью только разговорного стиля речи, а *свято* ‘праздник’ еще в XIX в. было известно лишь в диалектах.

СОКРАЩЕННЫЕ ОБОЗНАЧЕНИЯ ИСТОЧНИКОВ

АИ = *Акты исторические, собранные и изданные Археологической комиссией*, т. 3 (1613–1645 гг.). Санкт-Петербург, 1841.

Лыжин Н.П., 1857: *Столбовский договор и переговоры ему предшествовавшие*. Санкт-Петербург.

РИБ 31 = *История о великом князе Московском*. Сочинения князя Курбского, т. 1. Санкт-Петербург, 1914. (Русская историческая библиотека, т. 31.)

Сб. РИО 137 = *Памятники дипломатических сношений Московского государства с Польско-Литовским государством*, т. 4 (1508–1608 гг.). Санкт-Петербург, 1912. (Сборник Русского Исторического Общества, т. 137.)

Сб. РИО 142 = *Памятники дипломатических сношений Московского государства с Польско-Литовским государством*, т. 5 (1609–1615 гг.). Санкт-Петербург, 1913. (Сборник Русского Исторического Общества, т. 142.)

СГГД = *Собрание государственных грамот и договоров, хранящихся в Государственной Коллегии иностранных дел*, ч. 3 (1613–1655 гг.). Санкт-Петербург, 1822.

ЛИТЕРАТУРА

Булыка А.М., 1972: *Даўнія запазычаныя беларускай мовы*. Мінск.

Грінченко Б., 1924: *Словарь української мови*, т. I–II. Берлін.

Даль В., 1978–1980: *Толковый словарь живого великорусского языка*, т. I–IV. Москва.

ИЭССРЯ = Черных П.Я., *Историко-этимологический словарь современного русского языка*, т. I–II. Москва, 1999.

Калугин В., 1994: Местные традиции в языке русской литературы XVI–XVII веков, *Slavia orientalis*, XXXXIII(3). 353–362.

Мозер М., 2002: Что такое “простая мова”? *Studia Slavica Hungarica*, 47(3–4). Budapest, 221–260.

Носович И.И., 1870: *Словарь белорусского наречия*. Санкт-Петербург.

Преображенский А.Г., 1959: *Этимологический словарь русского языка*, т. I–II. Москва.

САР = *Словарь Академии Российской, по азбучному порядку расположенный*, ч. I–VI. Санкт-Петербург, 1806–1822.

СлРЯ XI–XVII = *Словарь русского языка XI–XVII вв.*, вып. 1–26. Москва, 1975–2002.

СМС = Анічэнка У.В. (склад.), *Слоўнік мовы Скарыны*, т. 1–2. Мінск, 1977–1984.

Соболевский А.И., 1903: *Переводная литература Московской Руси XIV–XVII веков*. Санкт-Петербург.

Срезневский И.И., 1893–1912: *Материалы для словаря древнерусского языка*, т. I–III. Санкт-Петербург.

ССМ XIV–XV = *Словник староукраїнської мови XIV–XV стст.*, т. I–II. Київ, 1977–1978.

ССРЛЯ = *Словарь современного русского литературного языка*, т. 1–17. Москва–Ленинград, 1950–1965.

СУМ = *Словник української мови*, т. I–XI. Київ, 1970–1980.

Тамань В.М., 1961: К вопросу о польском влиянии на литературный язык Московской Руси, in Ларин Б.А. (ред.), *Начальный этап формирования русского национального языка*. Ленинград, 197–204.

ТСБМ = *Тлумачальны слоўнік беларускай мовы*, т. 1–5. Мінск, 1977–1984.

Фасмер М., 1964–1973: *Этимологический словарь русского языка*. Пер. и доп. О.Н. Трубачева, т. I–IV. Москва.

ЭССЯ = *Этимологический словарь славянских языков*, вып. 1–30. Москва, 1974–2003.

Basaj M., 1979: Stan i perspektywy badań nad wpływami polskimi na język rosyjski, *Slavia Orientalis*, XXVIII(1), 3–13.

Berneker E., 1924: *Slavisches etymologisches Wörterbuch*, t. I. Heidelberg.

Brückner A., 1974: *Słownik etymologiczny języka polskiego*. Warszawa.

Karłowicz = *Słownik języka polskiego* ułożony pod redakcją I. Karłowicza, A. Kryńskiego, W. Niedźwiedzkiego, t. I–VIII. Warszawa, 1900–1927.

Kochman St., 1975: *Polsko-rosyjskie stosunki językowe od XVI do XVIII w.* Opole.

Linde S.B., 1807–1814: *Słownik języka polskiego*, t. I–VI. Warszawa.

Łoś J., 1922–1925: *Gramatyka polska*, t. I–II. Lwów–Warszawa–Kraków.

Sławski F., 1952–1979: *Słownik etymologiczny języka polskiego*, t. I–V. Kraków.

SIJP = *Słownik języka polskiego*, t. I–XI. Warszawa, 1958–1969.

SIŁŚr = *Słownik łaciny średniowiecznej w Polsce*, t. I–VIII. Wrocław–Warszawa–Kraków–Gdańsk–Łódź, 1978–2002.

SI Paska = *Słownik języka Jana Chryzostoma Paska*, t. I–II, Wrocław–Warszawa–Kraków, 1965–1973.

SIStp = *Słownik staropolski*, t. I–XI. Warszawa, 1953–2002.

Witkowski W., 1999: *Słownik zapożyczeń polskich w języku rosyjskim*. Zestawił Wiesław Witkowski. Kraków.